

Шу Юань очнулся после медитации. Открыв глаза, он увидел, что Чжун Линси сидит, прислонившись к каменной полке неподалеку, и держит в руках свиток. Это был не тот свиток, который он читал вчера. Чжун Линси смотрел на пергамент, но было очевидно, что его мысли витают где-то далеко.

Что случилось? Шу Юань невольно задержал на нем взгляд.

Почувствовав на себе пристальное внимание, Чжун Линси тут же поднял голову. В его глазах на мгновение мелькнула тревога, которая тут же сменилась мягкой заботой.

— Проголодался? На столе есть трава Чжуй, — спросил он.

Шу Юань вспомнил, что его желудок уже пуст. Пока он был сосредоточен на культивации, голод не давал о себе знать, но стоило расслабиться, как живот свело от желания поесть. Поблагодарив учителя, он поспешно поднялся и принялся жевать траву Чжуй.

Чжун Линси, глядя на его поспешность, нахмурился, словно хотел о чем-то спросить, но сдержался. Он снова опустил голову и продолжил изучать свиток. Проглотив траву, Шу Юань взглянул на учителя и снова заметил, что тот читает рассеянно, а его брови вновь сошлись на переносице, выдавая глубокое беспокойство и нерешительность.

Что же все-таки произошло? Шу Юань не выдержал и, подойдя ближе, позвал:

— Учитель.

— Что такое? — поднял голову Чжун Линси.

Неужели он еще спрашивает, что такое? Шу Юань слегка нахмурился:

— Учитель, вы сегодня весь вечер не в духе. Что-то случилось?

— Неужели это так заметно? Прости, — Чжун Линси вздохнул. — Ты сегодня слишком долго не выходил из медитации, я начал волноваться.

Вот оно что. На душе у Шу Юаня потеплело, он улыбнулся:

— Я знаю, что засиделся, но хотел во что бы то ни стало научиться различать свойства Ци сейчас, чтобы потом не тратить на это время при поглощении энергии. Это было бы неразумно.

— В будущем? — удивился Чжун Линси. — Так ты потратил столько времени не на поглощение Ци, а на тренировку скорости распознавания ее свойств?

Удивление в его голосе заставило Шу Юаня почувствовать себя неловко. Неужели его прогресс слишком медленный? Шу Юань словно вернулся в прошлое, на урок игры на цитре. Тогда Чжун Линси задал ему пьесу, но из-за домашних неурядиц Шу Юань не успел ее выучить. В день проверки он не смел поднять глаз на учителя, сгорая от чувства вины.

— Что случилось? — увидев, что Шу Юань опустил голову и молчит, Чжун Линси забеспокоился и подался вперед. Он сидел, и даже стоящий перед ним Шу Юань должен был поднять голову, чтобы увидеть его лицо.

В этот момент в глазах Чжун Линси отчетливо читалась забота, и Шу Юань сразу вспомнил продолжение той истории с домашним заданием. Тогда, обнаружив, что Шу Юань не справился, Чжун Линси не стал его ругать, а лишь спросил, не случилось ли чего-то, что невозможно было преодолеть. Шу Юаню было едва за пятнадцать, и он чуть не расплакался от такой доброты. Он стоял, сжимая кулаки и пряча покрасневшие глаза, не в силах вымолвить ни слова.

Тогда Чжун Линси погладил его по голове, обхватив длинными пальцами затылок, и мягко произнес:

— Учитель знает твой характер. Ты никогда не забросил бы упражнения из-за лени. Что же произошло на самом деле?

Слезы, которые Шу Юань сдерживал так долго, пролились от одного этого жеста и слов. Вспоминая, как он тогда, словно маленький ребенок, рыдал, уткнувшись в Чжун Линси, и как в итоге тот помог ему решить все проблемы, Шу Юань почувствовал, как к лицу прилила кровь. Но именно этот случай научил его: даже если он совершит ошибку, Чжун Линси всегда выслушает его, если он не будет лгать или скрывать правду. И чаще всего учитель соглашался с его доводами.

Поэтому Шу Юань набрался смелости и сказал:

— Учитель, я знаю, что мой прогресс невелик, но верю, что лучше потратить время на подготовку, чем потом исправлять ошибки. Если я начну поглощать Ци, не научившись с первого взгляда распознавать ее свойства, это только повредит моему совершенствованию в будущем.

Чжун Линси тут же заметно расслабился и кивнул:

— Ты все делаешь правильно. Каждый шаг должен быть твердым и уверенным, чтобы, поднявшись на полпути, тебе не пришлось падать обратно в самое начало.

Значит... он не винит его за медлительность? Шу Юань с сомнением посмотрел на Чжун Линси.

— Ты думал, я сержусь, что ты потратил столько времени, застряв на этапе распознавания Ци?
— Чжун Линси покачал головой и усмехнулся. — Шу Юань, твой прогресс всегда превосходит мои ожидания. Я лишь испугался, когда ты так долго не приходил в себя, решив, что ты начал поглощать энергию без подготовки.

Испугался, что он начал поглощать Ци? Сердце Шу Юаня сжалось:

— Учитель, мне еще рано поглощать Ци? Я слишком тороплюсь?

В его сердце не было ни единого мгновения, когда он перестал бы уважать и почитать Чжун Линси. Даже здесь, в этом мире, даже когда оба они начали путь совершенствования с одной точки... словно по привычке, с естественной уверенностью, он считал, что Чжун Линси знает больше, что Чжун Линси в любом деле лучше его.

Более того, в том мире Чжун Линси был педагогом и понимал в планировании обучения куда больше, чем Шу Юань. Он знал, что и как нужно делать, шаг за шагом, методично продвигаясь вперед. Для Шу Юаня Чжун Линси оставался тем самым мужчиной, который обучал его игре на гуине в музыкальном классе. Поэтому после каждой медитации Шу Юань отчитывался перед ним о прогрессе, словно сдавал домашнюю работу, ожидая оценки — отлично, хорошо, или, не дай бог, неудовлетворительно.

Именно из-за этого глубокого уважения и трепета каждое слово Чжун Линси заставляло его нервничать. Он боялся сделать что-то не так. Конечно, Чжун Линси никогда не наказывал его за неудачи — он вообще никогда не наказывал учеников и даже не повышал голоса. Но Шу Юань терзался чувством вины: если он не достигал цели, это означало, что он сводит на нет все труды учителя по планированию и обучению.

Именно это было для Шу Юаня невыносимее всего. По сравнению с этим чувством вины, любые выговоры или наказания казались сущим пустяком.

Шу Юань стоял перед полкой, и в его глазах быстро сменялись эмоции: тревога, беспокойство, радость, а в следующую секунду — глубокое раскаяние. Он не знал, что его взгляд выдает его с головой, и потому сохранял на лице выражение вежливой сдержанности.

— Шу Юань, — Чжун Линси не выдержал его беспокойства, поднял голову и улынулся. — Ты не сделал ничего плохого. Ты всегда был великолепен, даже лучше, чем я мог себе представить. В этот раз твоей вины нет, это моя оплошность.

Шу Юань в недоумении посмотрел на него, и Чжун Линси пояснил:

— Я сказал тебе поглощать Ци, но не объяснил, что делать после того, как ты ее поглотил. К счастью, ты вовремя очнулся, иначе не потратил бы все труды впустую? Я нахмурился не из-за твоих темпов, а потому что испугался, как бы моя небрежность не навредила тебе.

— Учитель! — поспешно перебил его Шу Юань. — Не стоит так беспокоиться. Если мы и ошиблись, то вместе, это не ваша вина!

Чжун Линси покачал головой:

— Хотя я и сам не до конца разбираюсь в культивации и начинаю с нуля вместе с тобой, я все же старше. Ты всегда относился ко мне как к учителю и наставнику, поэтому я обязан заботиться о тебе.

Он тут же добавил:

— Как учитель о своем ученике.

Эти слова лишили Шу Юаня дара речи. Он прекрасно понимал, что чувства между ними выходят за рамки отношений учителя и ученика, но не смел возразить. Если он промолчит, Чжун Линси будет винить во всем только себя. У Шу Юаня сжалось сердце, он не знал, что сказать, и лишь через силу улыбнулся:

— Спасибо, учитель. Учитель, что нужно делать после поглощения Ци?

Чжун Линси понял, что разговор зашел слишком далеко. На его лице промелькнула смущенная улыбка, и он произнес серьезным тоном:

— Шу Юань, помнишь, как называется первая стадия совершенствования?

— Стадия Концентрации Ци, — ответил Шу Юань.

— Верно, — Чжун Линси сел у каменной полки и улыбнулся. — Шу Юань, давай сегодня проведем теоретическое занятие.

Шу Юань тут же сел, скрестив ноги, и приготовился внимательно слушать.

— Так называемая Концентрация Ци — это поглощение внешней Ци и переплавка ее в собственную, — начал Чжун Линси. — Человеческое тело способно хранить Ци. На стадии Концентрации Ци она накапливается в Двенадцати основных каналах, то есть в трех каналах Инь и трех каналах Ян рук и ног. Задача этой стадии — поглотить внешнюю Ци, преобразовать ее в свою и направить по каналам, чтобы воздействовать на биологически активные точки и пробить Двенадцать основных каналов. С каждым пробитым каналом уровень культивации повышается.

Шу Юань внезапно осознал:

— Значит, у стадии Концентрации Ци двенадцать уровней?

— Именно, — ответил Чжун Линси. — Двенадцать основных каналов нужно пробивать в строгом порядке, ни в коем случае нельзя нарушать последовательность.

Он поднялся, достал свиток и развернул его перед Шу Юанем. На пергаменте была изображена схема человеческих каналов. Чжун Линси по очереди указал на каждый из Двенадцати основных каналов, требуя, чтобы Шу Юань их запомнил.

— Порядок пробития таков: первый уровень — Канал ручного тай-инь, второй — Канал ручного цзюэ-инь, третий — Канал ручного шао-инь, четвертый — Канал ручного тай-ян, пятый — Канал ручного ян-мин, шестой — Канал ручного шао-ян, седьмой — Канал ножного тай-ян, восьмой — Канал ножного ян-мин, девятый — Канал ножного шао-ян, десятый — Канал ножного тай-инь, одиннадцатый — Канал ножного цзюэ-инь, двенадцатый — Канал ножного шао-инь, — перечислял Чжун Линси. — Поэтому, когда начнешь поглощать Ци, не забудь направить ее в Канал ручного тай-инь. Не перепутай. Если Ци пойдет по неверному пути, есть риск столкнуться с «отклонением Ци», вплоть до разрыва каналов и разрушения Дантяня. В таком случае вернуть все назад будет невозможно, так что будь предельно осторожен.

Шу Юань серьезно кивнул:

— Учитель, может, завтра я не буду практиковаться? Сначала досконально выучу схему каналов, а потом продолжу.

Услышав это, Чжун Линси заметно обрадовался:

— Я как раз хотел предложить это, но боялся, что ты не захочешь. Очень хорошо, что ты сам до этого додумался.

В его словах было столько вежливости и неуверенности, что это бросалось в глаза. Последние полмесяца Чжун Линси относился к нему с таким почтением, словно боялся в любой момент вызвать гнев. Разве так ведут себя учителя с учениками? Он был осторожнее, чем ученик с суровым наставником.

— Учитель, — не выдержал Шу Юань, — даже здесь вы остаетесь моим учителем. Если я делаю что-то не так или у вас есть какие-то мысли по поводу обучения, говорите мне, как раньше. Мое уважение и доверие к вам никогда не менялись.

На мгновение лицо Чжун Линси застыло — будто он тщательно выстраивал план, но получил неожиданный и неприятный сюрприз. Сердце Шу Юаня екнуло. Но уже через секунду Чжун Линси взял себя в руки, изобразил легкую улыбку и обеспокоенно спросил:

— Если я буду направлять тебя в методах совершенствования, не покажется ли тебе это

неуместным?

— С чего бы? — покачал головой Шу Юань. — Я ведь и сам думал: мои познания в классической культуре ни в какое сравнение не идут с вашими. Если я буду пробовать искать путь совершенствования самостоятельно, потрачу уйму времени. Лучше я буду слушать вас, а освободившееся время потрачу на изучение других вещей. Мы дополним друг друга и скорее достигнем бессмертия, а значит — скорее вернемся домой.

Значит, все ради того, чтобы вернуться домой. В сердце Чжун Линси словно плеснули холодной водой, его пыл почти остыл, но он лишь ответил:

— Хорошо. Методы совершенствования оставь на мне, а ты подумай, что хотел бы изучать помимо этого.

Шу Юань кивнул, и разговор смолк. Шу Юань углубился в изучение схемы каналов, а Чжун Линси вернулся к чтению свитка.

Остаток ночи прошел в тишине.

<http://bllate.org/book/22336/2340108>